Игорь Янков

Метафоры исторического повествования и ритуальная проработка прошлого в постколониальном контексте

Рецензия на книгу: Эткинд А. (2013) *Внутренняя колонизация*, М.: НЛО.

Главную идею рецензируемой книги можно определить следующим образом: Россия создается процессами самоколонизации и самопожертвования, формирующими российскую идентичность с особой двойственной субъектностью суверена и подданного, жертвы и захватчика, колонии и метрополии. Иными словами, важнейшая проблема, с которой работает А. Эткинд, — это природа России как империи, которая одновременно является и метрополией, и колонией.

В центре книги становление гигантского, но слабо освоенного пространства страны. Его собирание связано с колониальным пушным промыслом и отношениями с аборигенами, что потребовало создания особой властной и экономической структуры (явление, во многом аналогичное нефтяному проклятию современной России). В книге описываются многообразные секты, течения и формы духовных поисков в империи как один из источников будущей революции; иностранные колонисты как модель и источник российской имперской машины; «бремя бритого человека» как аналог расового конструирования господствующего слоя и фейерверки как средство представления имперской власти, а также русская классическая литература как механизм конструирования колониального субъекта и канализации жертвенного насилия.

Янков Игорь Викторович — кандидат философских наук, независимый исследователь, г. Екатеринбург. Научные интересы: исторический нарратив, ритуалы во взаимодействии разнокачественных социальных миров, исторический опыт, советская и постсоветская идентичность. E-mail: iyankov@yandex.ru

Проблематизация истории

Применение постколониальных методов анализа к российской специфике проблематизирует понятия субъекта, нации и в первую очередь истории.

История нации есть борьба за гомогенизацию пространства и претензия на целостное, эссенциалистское прошлое и будущее. Одномерный мир модерна выстраивался, накладывая на многообразную реальность штампы и вытесняя различия, что зачастую сопровождалось откровенным насилием. Эткинд [2013, с. 17–18] ссылается на Юргена Хабермаса: «Хабермас описывает культурный конфликт, который не основан на этническом или языковом различии. Даже в столь широком смысле концепция внутренней колонизации предполагает агрессивное противостояние враждебных друг другу сил, хоть эти силы и находятся внутри одного общества».

Специфика новой ситуации в том, что постклассический мир обнаруживает скрытые швы, делает видимой фрагментарность реальности, возвращает чувствительность в официально «обезболенные» участки. История в таком мире перестает быть поступательным движением, за которым наблюдает внешний наблюдатель. На дискурсивном уровне это означает не просто отказ от линеарного нарратива. Это открытие особой роли тропов в процессе конструирования реальности (Х. Уайт, Ф. Анкерсмит). При этом тропы обнаруживаются в строении текста и отношении самого автора к реальности.

Тропы, тело, двойники: амбивалентное отношение к реальности

Книга Эткинда построена на прямом обращении к многозначности игры тропов. Сам ключевой механизм и объяснительная метафора книги — внутренняя колонизация — является оксюмороном. Схожие парадоксальные высказывания («исток становится центром», «начало — предназначением») одновременно работают как на уровне текста, метатекста, выступая способом структурирования событий в истории, отношений персонажей, их субъектности, так и самой структуры книги. Совпадение субъекта и объекта, подлежащего и дополнения — это характеристика материала, с которым работает автор, и это также его собственный способ изложения истории. Отсюда постоянная тема парадоксов, так как метапозиция в этой ситуации оказывается проблемной, и занять ее можно лишь ситуативно.

Вот пример того, как автор прибегает к телесным и сексуальным тропам для выявления ситуации смешения границ

в анализируемом материале: «Ученичество в старых и новых имперских центрах Европы помогло Петру понять правила этой игры. Он знал то, что трудно понять историкам: в России мать и дочь, метрополия и колония были одним телом, и император был господином их обеих. Хоть Петр и не сформулировал этот принцип, он реализовал его, и практика инцеста изменила меркантилистские подсчеты. Поскольку колонии находились внутри империи, можно было забыть о заботах меркантилистской Европы: пошлинах, пиратстве, торговом балансе с колониями» [с. 151].

Мать и дочь, инцест — телесные метафоры смешения порядка и тела. Подобная работа тропов, парадоксальное сочетание буквального и метафорического приводят к ряду эффектов, связанных с непосредственным воплощением телесности.

«*Зажатые* (курсив мой — *И. Я.*) между сувереном, который является сверхсубъектом своих владений, и их объектами, которые годятся для использования и налогообложения (ресурсы, товары и так далее), субъекты-подданые развивают уникальные способности жизни, службы и любви» [с. 392].

«География, история и политика *сжали* русскую культуру XIX века, создав в ней *складки* (курсив мой — *И. Я.*), которые соединили то, что в других имперских культурах разделялось океанами или тысячелетиями» [с. 379].

Насилие и жертва в динамике конструирования идентичности

Национализм как пример внутренней колонизации предполагает интериоризированное насилие. Тема двойника, телесности, инцеста, смешения тропов и подвижности их буквального и переносного значения выводит на проблему динамики этих явлений, способах их структурирования, а также проблематику дара и жертвы. Эткинд рассматривает эти поля через призму художественной литературы Российской империи. Нам же представляется важным рассмотреть их в аспекте формирования и трансформации самих имперских и национальных нарративов, а также способов отражения и конструирования истории и присутствие темы жертвы.

Эткинд отмечает: «В 1882 году историк Эрнест Ренан определил „нацию“ через общий опыт страдания и жертвоприношения. «Общее страдание сильнее объединяет, чем радость... Нация — это великая солидарность, основанная на чувстве жертвы». Ренан имел в виду войны и революции, но в вымышленной жизни, которую создает культура, эти жертвенные нарративы проигрываются без пролития настоящей крови» [с. 358–359].

А. Эткинд вслед за Р. Жираром [2000] работает с русской литературой, показывая, как в ней отражается ситуация внутренней колонизации. Сюжеты романов с их жертвенными коллизиями отношений между мужчиной и женщиной, высокой культурой формируют колониального субъекта с внутренними проблемами. Для нашего анализа важно отметить, что, строго говоря, эти сюжеты не просто предмет литературы, они присутствуют в национальной истории и историографии.

Исторический нарратив, вспомним цитату из Ренана, изначально содержит в себе все составляющие жертвенного сюжета. Однако механизм жертвы, специфика динамического обмена в эскалации насилия, роль и природа двойников — все это не тематизируется, а является само собой разумеющимся фоном. Кризис системы, по Жирару, способствует обнажению этого механизма. Ситуация, в которой он становится видимым, означает, что он перестал выполнять функции канализации насилия, разлитого в кризисном обществе. Следовательно, анализируя российскую реальность в изложении Эткинда через призму Жирара, можно говорить о двух, а то и трех уровнях ее вскрытия.

Специфика книги Эткинда в том, что она работает одновременно на нескольких уровнях. Речь идет не просто о переходе с тем исторических на темы историософские, но о типе построения текста и характере анализа проблематики.

Основные понятия концепции Жирара и других антропологов, на которые опирается автор, — обмен ударами, дарами, обмен вызовами, т. е. дар, жертва и инцест. С одной стороны, их можно интерпретировать как тропы, задающие специфику литературного и исторического текста, с другой — понятие тропа можно применить и к самому непосредственному содержанию этих ритуальных действий.

Что представляет собой зона, где происходит означенное смешение? В одном случае это пространство инцеста (пример с Петром I), в другой главе автор обозначает его как *зону контакта*: «Изучая литературу путешествий, Мэри Луиза Пратт ввела понятие контактной зоны, определяемой как „пространство, в котором народы, исторически и географически разделенные, входят в контакт друг с другом и устанавливают длительные отношения, часто в условиях принуждения, расового неравенства и неразрешимого конфликта“. Такой зоной контакта был и русский роман, в котором разворачивались конфликтные отношения исторически и культурно разделенных людей, мужчин и женщин» [с. 355].

В романе парным элементом к пространству контакта, зоне кризиса и переплетения являются топосы *утопии* и *идиллии* (М. Бахтин).

Итак, у нас есть место смешения и нарушения, и есть место идиллии. Отношение между идиллией и местом кризиса, смешения являются отношением жертвы и динамического обмена. По Жирару, жертва — это способ преодоления жертвенного кризиса путем канализации, переноса (троп) насилия. В силу своей двойственности она является одновременно и запретным объектом, и объектом сакральным. В работах антропологов жертва — это способ коммуникации с миром сакрального [Мосс, 2000; Зенкин, 2012]. В кризисе исходная структура, порождающая жертву и канализирующая насилие, становится видимой, тематизируется. А форма этой структуры — ритуал.

В романе, а также и в историческом нарративе обнаруживаются скрытые формы ритуала. Ритуал — это возможность коммуникации и взаимодействия с тем, с кем в нормальном мире этого сделать нельзя. Это способ приручения и канализации запредельного и невыносимого: двойничества, инцеста, безумия и т. п.

Ритуал и миф — это две стороны одного процесса [Мелетинский, 1995]. В историческом нарративе секулярного мира миф скрывается как вытесненное ядро, задающее смысл. Ритуальный характер текста в этом случае оказывается совершенно забытым, потерянным. Кризис, проводя работу остранения (Шкловский), выявляет скрытые и забытые структуры. Следовательно, с одной стороны, мы видим ритуальные действия, описанные в романах, с другой — встает вопрос о ритуальном, а не просто мифологическом характере работы нарративов об истории и про историю.

Ритуал в своей срединной части (Тернер) создает особое пространство и время. В нем оказывается возможным сосуществование несосуществующего, коммуникация между разными качествами — оборачиваемость тропов, превращения условного знака в тело и тела просто в знак. Мир, в котором протекает ритуал, противостоит обыденному миру. Следовательно, в таких взаимосвязях находятся мир идиллии и мир инцеста, а также зона смешения и кризиса. Это две стороны срединного ритуального пространства — времени, противостоящие обыденному мирскому времени.

Ритуалы обычно рассматривают как способ консервации и поддержания существующего порядка. Пока он поддерживается, то не позволяет безумию выйти за рамки, купирует его, направляет, сублимирует. Границы, проводимые ритуалом, не дают двойникам встретиться лицом к лицу в неположенном месте. Наряду с этим обладая сложной структурой, ритуал является и способом перехода к новому, способом преодоления кризиса и, следовательно, способом преодоления травмы [Encyclopedia of Social.., 2000; Yankov, 2012].

Таким образом, исторические нарративы, создаваемые А. Эткиндом, — это повествования, делающие видимым свою скрытую жертвенно-ритуальную, а значит, игровую структуру.

Жирар подчеркивает благоприятный характер жертвы как способ преодоления кризиса. При этом жертва носит произвольный характер. Эта особенность неразрывно связана с особенностью ритуала — наличия внутри его жесткой структуры свободных зон. Но после того как жертва будет указана и осуществится выбор, ретроспективно она будет задана как предопределенная, и само описание этого действия предстает как осуществление судьбы. Эти же эффекты возникают, когда мы обращаемся к историческому нарративу.

История и литература

Здесь уместно привести некоторые критические отклики на концепцию внутренней колонизации, сделанные из позиции традиционного научно-исторического взгляда на прошлое. В рецензии на англоязычное издание книги Александр Моррисон отмечает, что концепция внутренней колонизации не проводит четких различий между внутренним и внешним. В результате признаваемые Эткиндом аналогичные российским процессы в Западной Европе ставят под сомнение адекватность использования самого термина колонизации к этой проблематике ввиду ее широты и неопределенности [Morrison, 2013].

Владимир Малахов [2013] в крайне интересной рецензии на сборник статей «Там внутри», посвященный применению понятия внутренней колонизации к истории России, замечает: «Наконец, гипотеза внутренней колонизации меня смущает еще и потому, что она приглашает мыслить историю России под знаком континуума. [...] Надо полагать, составители и редакторы сборника не раз сталкивались с критикой, а потому постарались отвести от себя возможные упреки, заявив, что „внутренняя колонизация“ — это не строго научное понятие, а метафора. И их интересует не столько истинность предложенной метафоры, сколько ее эвристичность».

Выделим в замечании Малахова претензию к истории внутренней колонизации как континууму от ранней истории Руси к Октябрьской революции и путинской России. Хотя в книге А. Эткинда в отличие от сборника «Там внутри» речь идет лишь об истории дореволюционной России, но и ее линия событий легко укладывается в непрерывный ряд.

Еще одна претензия Малахова — противопоставление научного понятия и метафоры. Таким образом, эти возражения возвращают нас к вопросам об отношении литературы и истории. Одна из задач книги Эткинда — преодолеть разрыв между историей и литературой.

По его мнению, русский классический роман, с одной стороны, помогает лучше понять процессы внутренней колонизации Российской империи, с другой — этот роман сам является реакцией колониального субъекта на ситуацию собственной колонизации. Очевидно, под этим ракурсом нужно рассматривать текст Эткинда как литературное произведение, реагирующее на историческую проблему. В этом случае мы видим в рецензируемой книге движение от литературы к истории и вновь к литературе. Целостность книги задается смежностью содержания ее частей, каждая из которых по-своему и литературна, и исторична.

Внутренняя колонизация, по замечанию самого Эткинда, — это одновременно и механизм, который отсылает к онтологической реальности истории, и троп, который отсылает к литературе. И вроде бы это уточнение сводит концепцию к просто метафоре, *всего лишь литературе*. Однако нужно помнить, что такое противопоставление научного и литературного само исходит из колониального дискурса с привилегированной точкой описания реальности, якобы схваченной настоящей европейской наукой.

Из постколониальных перспектив, ориентированных на диалог с Другим, ключевым вопросом становится не фиксация всеохватывающего понятия, отражающего реальность, а поиск ответа на конкретный запрос.

Построение любого текста несет элемент произвольности. Однако литературный произвол исторического текста, как и произвол ритуала, ограничен жесткими рамками. В истории эти рамки, ограничивающие произвол, заданы *проблемным полем,* с которым работает историк. В частности, это травматическое прошлое, т. е. не изжитое, присутствующее в настоящем, не ослабевающее своей хватки. Поэтому корректным является не абстрактный вопрос о специфике и объеме применения того или иного понятия (замечания Моррисона и Малахова), а вопрос о работе с конкретным запросом из прошлого. И тот факт, что при изменении контекста и масштабов анализа мы обнаружим похожие механизмы в европейских колониальных державах, которые вроде бы должны быть противоположны российскому опыту, не подрывает концепцию, а заостряет ее эвристический потенциал и объяснительную силу. В этом случае концепт работает на российском материале как способ разглаживания конкретных проблемных зон, складок истории и не является унифицирующим абстрактным понятием.

Если история не произвольна, а рождается из обращения к проблемам, актуализированным историческим опытом, то она выстраивается не как эссенциалистское движение из прошлого в настоящее, а как обращение к прошлому из настоящего. Иными словами, его ретроспективный характер становится видимым

и признаваемым. Рефлексия того, что базовое понятие одновременно и троп, отличает этот подход от тех, которые претендуют на научность, но не видят собственных тропов и литературности. Но в таком случае история России с неизбежностью становится не единым романом, а набором относительно самостоятельных сюжетов, которые связаны друг с другом только по смежности. Основанием, обеспечивающим ее связность, выступает не внешняя метафизическая сущность, а проблемные вопросы, заданные прошлому. Актуальное прошлое — это ряд памятных событий, превращающихся в места памяти (П. Нора), каждое из которых относительно самостоятельно и связано с ритуальными практиками и текстами. Ритуальное и нарративное обращение к отдельным сюжетам создает эффект конкретной работы с местом.

Книга Эткинда, если ее читать в указанной перспективе, — это движение от одного места в прошлом к другому, позволяющее его переинтерпретировать и переконфигурировать в отношении с настоящим.

Библиография

Жирар Р. (2000) *Насилие и священное*, М: НЛО.

Зенкин С. (2012) *Небожественное сакральное. Теория и художественная практика,* М.: Изд. РГГУ.

Малахов В. (2013) *Бритые и бородатые. Там внутри: практики внутренней колонизации в культурной истории России.* А. Эткинд, Д. Уффельман, И. Кукулин (ред.), М.: НЛО. Available at: http://www.strana-oz.ru/2013/5/britye-i-borodatye.

Мелетинский Е. (1995) *Поэтика мифа*, М.: Наука.

Мосс М. (2000) *Юбер А. Очерк о природе и функции жертв.* Мосс М. Социальные функции священного: Избр. соч., СПб.: Евразия.

Encyclopedia of Social and Cultural Anthropology (2000). Ritual A. Barnard, J. Spencer (eds). Routlege: 492.

Morrison A. (2013) *Etkind A. Internal Colonization. Russia's Imperial Experience* [Cambridge: Polity Press, 2011]. *Ab imperio* (3): 455.

Yankov I. (2012) Ritual as a Mechanism as a for the Interaction of Social Worlds of Varying Quality. *The Phenomenon of Beauty in Culture* [Grožio fenomenas kultūroje], Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas.

References

Barnard A., Spencer J (eds). (2000) *Encyclopedia of Social and Cultural Anthropology.* Ritual: 492. London & New York: Routlege

Girard R. (2000) *Nasilie i svyashchennoe.* [Violence and the Sacred], Moskow: NLO.

Malakhov V. (2013) *Britye i borodatye. Tam vnutri: praktiki vnutrenney kolonizatsii v kul'turnoy istorii Rossii*. [The shaved and bearded. Then Into: practices of internal colonization in cultural history of Russia.]. Available at: http://www.strana-oz.ru/2013/5/britye-i-borodatye.

Meletinskiy E. (1995) *Poetika mifa*. [The Poetic of Myth] Moskow: Nauka.

Mauss M. Hubert H. (2000) *Ocherk o prirode i funktsii zhertv.* [Sacrifice: Its Nature and Function], Moss M. *Sotsial'nye funktsii svyashchennogo.* [Social Functions of sacral], SPb: Evraziya.

Morrison A. (2013) Etkind A. Internal Colonization. Russia's Imperial Experience. Cambridge: Polity Press, 2011. *Ab imperio*, (3): 455.

Yankov I. (2012) *Ritual as a Mechanism as a for the Interaction of Social Worlds of Varying Quality.* Brūzgienė R., Čiužauskaitė I (red.) *Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas* [The Phenomenon of Beauty in Culture], Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas

Zenkin S. (2012) *Nebozhestvennoe sakral'noe. Teoriya i khudozhestvennaya praktika*. [Not God sacral. Theory and art practice], Moskow: Izd. RGGU.